

РОДНАЯ ИСТОРИЯ, РОДНАЯ КУЛЬТУРА

В русском сознании существует несвойственная иным народам, непостижимая потребность в родстве – кровном, душевном и ещё более возвышенном, всеобщем родстве, о котором свидетельствует русский язык. Мы говорим «родная», «родной» о стране, земле, крае и далее – о дворе, улице, школе, посёлке, городе, заводе... Мы называем «родными» поля, леса, реки, долины, горы... На чужбине в нас мгновенно и остро отзываются *родной* язык, *родное* слово, *родная* речь. В России они объединяют людей разного происхождения в великое общерусское, общечеловеческое родство. По своей внутренней природе русский язык – язык единства и совместной жизни. На протяжении тысячелетий в спряжении глагола «быть» исчезли различия, сохранившиеся в других европейских языках: *я есть*, *ты есть*, *мы есть* и т.д. Для русских слово «существовать» означает «сосуществовать» с ближними и дальними, разделять с ними общие ценности, быть единым народом.

Судьбу и душу народа, родство всех его поколений воплощают русская история и культура. В современном мире они способны не только объединять и вести к взаимопониманию. Жизнь человека и народа противоречива, но не может быть прерывистой. Кажущуюся дробность рождает незнание. Правильно понять себя, своё прошлое и настоящее позволяет опора на главные силовые линии русской истории, важнейшие символы и архетипы национальной культуры.

Мешает этому не только невежество или недостаток знаний, но и застарелые интеллектуальные привычки. Одна из наиболее пагубных рождена постмодернистской теорией «мозаичной культуры», адресованной, в первую очередь, представителям СМИ. Эта концепция была впервые изложена Абраамом Модем в 1969 году в статье «Социодинамика и политика культурной экипировки в урбанистском обществе».¹ Её суть состоит в предоставлении для каждой «микросреды» лишь того, что приносит «удовлетворение» потребителям, уже лишённым целостного знания. Борьба с хаотической «мозаичной культурой», противоположной культуре «творческой и системной», нет смысла. Напротив, нужно ускорить «ротацию» этой культурной мозаики и направлять потребителей не к прошлому, а к будущему. Результатом такой политики СМИ явилось разрушение в сознании обывателя понятия о национальной культуре, её прошлом и традициях. В качестве культурного явления предлагалось лишь нечто сверхновое, гениально «выхваченное из будущего».

Одновременно в западном обществе, а затем в России зародилась и стала господствовать «мозаичная история». Её отдельные события свободно смешиваются, противоречат друг другу, внезапно всплывают из небытия или канут в нём. Появились многочисленные «новые прочтения» и целые «альтернативные истории», созданные как рыночный или как политический товар. В этой мозаике смыслов исчезла национальная история, потерялся смысл её важнейших событий. Память стала управляемой, манипулятивной. Стали исчезать народы, а вместе с ними личности.

---

¹ *Moles Abraham. Sociodynamique et politique d'équipement culturel dans la société urbaine // Communications. № 14. 1969, С. 137-149.*

Возникли сообщества анонимных homo informaticus – материал для глобального обнуления, называемого «великой перезагрузкой» пост-человечества.

Тридцать лет назад эта разрушительная болезнь пришла в Россию. Место тоталитарного коммунистического мифа заняли постсоветские мифы на вкус и выбор разных общественных групп: подросткам – одно, старикам – другое, что-то – для «бедных», что-то для «богатых», для «угнетаемых», для «преуспевающих» и т.д. Идеологический симулякр под названием «советский народ» рассыпался на множество народов, народцев, инородцев, иноверцев и пр. Насколько естественным для исторической России является состояние внешнего и, главное, внутреннего распада? Частично он произошел в результате монгольского нашествия, наиболее трагично проявился в периоды Смутного времени и Раскола, большевистской революции и Гражданской войны. И в том, и в другом случае начинались гонения на «староверов» или на «антисоветские элементы» из т.н. «бывших», отвергалось прошлое страны, её история извращалась и укорачивалась. Всё, что было «прежде», до 1917 года, до XVII века или до 988 года, лишалось какой-либо культурной значимости, называлось «варварством», «невежеством» и искоренялось. В более мягкой форме отказ от прошлого произошел и после принятия Русью православия: борьба с «язычеством», иначе говоря, – со предхристианской «народной верой», постепенно сближавшейся с церковной, растянулась на века.

Перестройка и крах СССР привели к схожим последствиям. В русской истории и культуре утвердились научные схемы, в той или иной степени унаследованные от предыдущих цивилизационных кризисов. Их суть сводится к недооценке прошлого страны. Всё XX столетие в общественном сознании России преобладало мнение о «мрачном, варварском» Средневековье. В постсоветскую эпоху эти же идеологизированные, предвзятые определения стали относить к древнерусской, дохристианской эпохе. Беспамятство рождает невежество. До сих пор остаются верны горестные слова А.С. Пушкина, написанные в 1826 году: «Россия слишком мало известна русским». Отечественная история достойна глубокого, всестороннего изучения и требует отказа от застарелых предубеждений.

Произвольно искажена даже периодизация русской истории и культуры, которые оказались лишены Средневековья: его место занимает «древнерусский период», сразу переходящий в Новое время. Определение «древнерусская» (история, культура, литература, архитектура и пр.) прилагается к явлениям, типологически соответствующим христианскому Средневековью стран Европы. Полностью исчезает из рассмотрения действительный древнерусский период истории и культуры, предшествовавший Крещению Руси. А ведь в именно тогда возникло древнерусское государство, официально признанное в 862 году после крещения в Киеве князя Аскольда и учреждения греками Русской епархии. Но «прозываются Русской землей» государство начало десятью годами ранее, о чем упоминает Повесть временных лет.

Несомненно, древнерусская культура возникла не только за столетие до Владимирова крещения, она существовала задолго до образования древнерусского государства. Самоочевидно, что огромный народ, говоривший на одном языке, объединенный общими верованиями и обрядами, не мог не обладать развитой дописьменной культурой. Её основой являлся необычайно развитый культ «живого», устного слова, почитание свето-солнечного божества, девятичастный календарь,

круговые святилища солнца с надсвятилищными деревянными храмами, священные обряды и знаки. О правомерности такого утверждения свидетельствуют археологические данные (фибулы, подвески и браслеты с архаической символикой), остатки городищ: Хотомельск (VI-X вв., Брестская обл.), Зимно (VII в., Волынская обл.), Новотроицкое (VIII-IX вв., Сумская обл.), Стольское (VIII-IX вв., Львовская обл.), Любшанское (каменная крепость 700 года н.э. в Приладожье) и др. Наиболее красноречивым доказательством существования в древнерусский период стойких культурных традиций являются самобытные черты средневековой русской архитектуры и искусства: неведомые Византии восьмиконечный «русский крест» с косой переладиной внизу, многоглавие церквей, костровидная форма и позолота куполов, шатровые кровли, «свето-огненная» символика украшений, высокий иконостас, особенности иконописания и церковных обрядов.

Исследователь древнерусской культуры неизбежно сталкивается с «ощущением тупика» (В.Н. Топоров). К нему приводит крайняя скудость письменных источников и фрагментарность мифологии, недостаток археологических данных и пестрота этнографических материалов. Главным и самым надёжным хранителем смыслов древнерусской цивилизации является язык. Обращение к его прарусским истокам позволяет правильно понять первичный смысл слов, впоследствии вошедших в церковный обиход, обрядовую жизнь народного православия, символику изобразительных форм и поэтических образов русского Средневековья.

Исследование древнейших слоев культуры требует «предпонимания», заданного традицией – предельного погружения в эпоху. Чем проще оставленные ею «знаки», тем они более нагружены смыслом и сложнее в истолковании. Любая попытка реконструкции древнего мировоззрения является гипотетической, оправданной лишь в той мере, в которой современная наука способна выявить его культурные архетипы.

Что собою представляла дохристианская вера Древней Руси?

Возникновение языка равносильно зарождению самой первой *религии* – связи всех со всеми и всего со всем (*religio*). В язык являлся для русов главным святилищем веры и потому в течение тысячелетий сохранял единство на огромных пространствах. Народ – носитель родового языка – издревле отождествлялся с *языком*. Слово *язычество*, возникшее в русской церковной среде как перевод греческого *ἔθνηος* «народный», лишь подтверждало тождество *народ-язык*, как и его принадлежность «общенародному» предхристианству. Веру рождает душа и разум, определяет язык, а обряды лишь утверждают и хранят. Церковью была дана возможность народу «младенчествовать» во Христе, постепенно укрепляясь в новой вере. В глубинах религиозного подсознания нравственность народная и христианская постоянно искали утверждение друг в друге. Их отношения строились не как «прения души и тела», а как союз духовного и душевного начал.

«Языческое многобожие» русов – миссионерский миф византийцев. Различные «имена богов» (*Перун, Дажьдбог, Стрибог, Хорс, Мокошь, Велес*) являлись лишь эпитетами единого *Сварога*, как в христианстве имя Божье сопровождают равночестные имена: Иисус, Христос, Господь, Творец, Спаситель, Вседержитель, Судия, Саваоф... Предхристианскую религию можно назвать древнерусским «ветхим заветом», постепенно соединившимся в народном сознании с библейскими писаниями:

Пятикнижием, Псалтырью, книгами Пророков... Она явилась многовековым взысканием истинной веры, предчувствием христианства. Доверчивые и малосведущие средневековые монахи вслед за греками осуждали её, как «эллинское беснование», атеисты советских времён низводили к примитивным суевериям, современные неоязычники создают мифы об «арийской», «евразийской», «эзотерической» религии славян и упорно противопоставляют её православию. К сожалению, методы академической науки не позволяют преодолеть «молчание» эпохи, почти лишённой письменных и археологических источников. Древнерусская вера до сих пор остаётся во многом неведомой и непонятой.

Важность изучения древнерусского предхристианства несомненна.² Оно требует в соединения строгих научных данных с интуицией исследователя и поэтическим взглядом на мироздание, столь родственным восточнославянской древности. Проводником в прошлое для нас является русский язык – наша древняя родина, область вечно живых. В его глубинах хранятся свидетельства о почитании небесного света и священного слова, о солнечном календаре и весеннем масленичном новолетии, об искупительных таинствах Купалы и русальских мистериях, в которых зарождался древнерусский театр.

В VIII-IX веках первобытное единобожие русов под влиянием византийского иконоборчества получило более строгие, зрелые формы. В нём утвердился отказ от изображения божества, его воплощениям соответствовали лишь священные знаки: небесного света (*спас*), воскресающего солнца (*крес*), грохочущей молнии (*громовик* или *перунов крест*), священного костра (*перунов цвет*)... Имя *Сварог* было запрещено к произнесению (по меньшей мере, вне обрядов и молитв) и заменено прозвищами этого небесного прародителя жизни – *Род* «рождающий, родовой, родной» и *Перун* «порождающий, разящий».

Суть древнерусского предхристианства состояла в сознательном сближении веры праотцев с «греческой верой», почитание воскресающей природы соединилось с почитанием *кресения* Иисуса Христа, естественное увенчалось сверхъестественным, возникли многочисленные религиозно-мифологические, обрядовые, художественные «истолкования» церковного учения. Усвоение русами новой веры было равнозначно церковному «оглашению» и длилось с первых веков новой эры до конца её первого тысячелетия, а по всем русским землям – в течение многих последующих веков. Для Древней Руси именно такой путь, а не насильственное насаждение княжеской властью «чужеземного» православия был единственно возможным.

Верования русов и их предков наслаивались в течение тысячелетий, создавая сложную, многоуровневую и внешне противоречивую религию. Их духовное развитие на протяжении веков сопровождалось многократным «испытанием вер» – сравнением праотческих преданий с обрядами и верованиями иных народов. Нельзя исключить знакомства русов не только с христианством, но и с монотеизмом крымских караимов, еврейских и арабских купцов.

Религия «кресения мёртвых», исподволь готовивила всенародное крещение в X веке. Праотческая «ветхая вера» изначальной Руси нашла в этом поворотном событии своё высшее выражение и потому не была забыта. Память о «светло-огненной» религии, о «дивном светорусье» и «небесном ирие» сохранилась в произведениях народного искусства,

---

² См.: Байдин Валерий. Древнерусское предхристианство. СПб.: Алетейа. 2020.

замечательных творениях русских средневековых зодчих и художников. Годовой круг церковных богослужений дополнили крестьянские празднества солнечного календаря.

Древнейшая история – эпоха возникновения цивилизационных и национальных архетипов. Их творцы обладали пророческим даром, постигали великие истины жизни, меняли души людей, создавали мифы, предопределяли веру и судьбы народов. За «поэтическими воззрениями славян на природу», о которых полтора века назад писал А.Н. Афанасьев, вырисовывается завораживающе красивая, величественная картина бытия, в котором божественный свет творит небесные светила и земную жизнь, воскрешает души людей и возносит их к вечному, негасимо сияющему *ирию*.

Византия принесла на Русь богослужение и богословие, церковное устройство и монашество, письменную и книжную культуру, иконопись и каменное зодчество. Но их влияние распространялось лишь на города и монастыри. Огромная крестьянская Русь продолжала жить «ветхой» верой, внутри, которой христианство вызревало постепенно, православные обряды соединялись с древними обычаями и представлениями. Однако жизненная сила «народного православия» в грозные годы оказывалась куда важнее книжной религии, неоднократно приводившей к распрям и религиозным ересям. Оно чуралось крайностей монашеской аскезы и богоборчества, противопоставляло византийским «мудрствованиям», апокрифам и монашескому «богомилству» XI-XV столетий смиренную веру души. На незыблемости священных обрядов, а впоследствии – богослужебного чина основывалось единство церковное и народное единство. Именно потому Раскол XVII века стал для Руси крайне болезненной, незаживающей раной. «Старообрядческое» упорство мог преодолеть лишь сам народ – постепенно, без кровавого насилия со стороны властей, преодолевая *невегласие*, выправляя церковные книги и открываясь вселенскому Православию.

После принятия христианства в русской культуре произошла смена парадигм, но её важнейшие архетипы сохранились и пережили века: метафоры свечения и горения, непрестанного *кресения* небесного света и земной жизни, представление о целостности мира, образ бесконечного сияющего пространства. Яркими доказательствами существования на Руси предхристианства и его самобытного художественного наследия явились произведения народного искусства, восьмиконечный «русский крест» с косым крестом внизу, неизвестные Византии многолавие, позолота куполов, шатёр, высокий иконостас, огненная символика храмов и орнаментов, обережные знаки и особенности в изображении ряда иконописных сюжетов («Покров Богородицы», «Успение», «Воскресение – Сошествие во ад»). Современной культурологии предстоит заменить произвольные и явно случайные искусствоведческие термины («луковичный» купол, «лемеховое» покрытие, «килевидные» закомары и др.) на смылосодержащие, связанные с пламенеющими, костровидными художественными формами. Типологически им соответствовала стилистика западноевропейской пламенеющей готики XIV-XV веков. Наиболее самобытные явления искусства Средневековой Руси возникали на не византийских, предхристианских основах. По языковой «ауре» можно попытаться восстановить древний архитектурный или художественный образ, уточнить его забытую «этимологию».

Русский язык – неумирающее наследие великой культуры. Он гениален и неисчерпаем. Единственный из живых языков, он сравним по древности с великими

языками индоевропейцев: санскритом, древнеперсидским, древнегреческим, латынью. Забытое слово *крес*, утонувшее в глубинах русского подсознания, объясняет необычайную народную жизнестойкость, многократные «умирания и воскресения» Руси после смертельных потрясений. В родстве с ним находится слово *краса* – ключевое для древнерусской эстетики. По общепризнанному мнению, значение праславянского *krasa «убедительно реконструируется, как "цвет жизни", откуда затем – "красный цвет, румянец (лица)", "цветение, цвет (растений)" и, наконец, более общее – "красота"». ³ Слово *краса* означало не только «красоту, украшение», но и «радость», «потомство, дети». ⁴ Более того, прилагательное *красный* хранит забытую связь с *кресением* – восстанием от болезни и смерти.

Истинная *краса* в древнерусском, предхристианском понимании – это красота возрождающая, несущая *кресильную* мощь и жизнь. В знаменитой фразе Ф.М. Достоевского «красота спасёт мир» проявилась глубочайшая интуиция, убеждение в животворной силе *красы*. Религия *кресения* отвергала деление на живых и мёртвых, утверждала родство «живущих» и «воскресших». Учение Н.Ф. Федорова о высшем призвании человечества – «воскрешении мёртвых» явилось философским воплощением древней общенародной веры в неумирающее бытие.

Русская история и культура сохраняли величие, даже оказываясь на краю гибели. В них воплотились несокрушимая воля, сила жизни и непобедимый народный дух. Иноземные нашествия рождали взрыв культурного творчества: Чингиз-хану и Батыю противостояли Рублёв и Дионисий, Наполеону – Пушкин и Толстой, Гитлеру – Ахматова, Шолохов, Платонов, Шостакович, Прокофьев.

Прошлое предопределяет будущее. В современной России существует огромный запрос на внятное национальное прошлое, на Большую историю, начиная от ее истоков. Недостаток прямых источников (письменных, археологических) не оправдывает упорного нежелания учёных разных специальностей выйти из тупика изучения частностей и попытаться увидеть целое. Давно назрели междисциплинарные исследования по программе «Истоки русской цивилизации». Лишь совместная работа лингвистов, археологов, этнографов, искусствоведов, религиоведов, культурологов позволит прервать затянувшееся молчание академической науки. Учёным необходимо найти общий язык с современным обществом, дать ответ невежественному и политизированному мифотворчеству, в том числе авторов из ближнего зарубежья.

Поэтические представления и сокровенные мечты народа плохо переводятся на язык науки, походят на религиозную ересь, но именно они питают душу, составляют суть глубинной народной веры – противоречивой и неразрушимой, хранящей волю к жизни и пронзительное пророчество о бессмертии души. Русская история и культура должны в современных научных исследованиях обрести внутреннюю цельность, смысл и энергию жизни, вобрать в себя наследие народов Поволжья, Сибири, Кавказа, Севера,

---

³ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12. М., 1985, С. 97.

⁴ *Словарь русского языка XI-XVII вв. ...*, С. 15.

Дальнего Востока. Лишь так русская история и культура станут *родными* для всех жителей России.

2023